

МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ СРЕДНЯЯ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА № 18

**Районный конкурс исследовательских работ среди учащихся школ по
изучению истории родного края Апшеронский район в годы Великой
Отечественной войны**

Номинация: Жизнь военного Апшеронска и района

Тема: Обожженная память Апшеронска

Научный руководитель, учитель истории и кубановедения

Фофанова Кристина Викторовна

Место г. Апшеронск МБОУСОШ №18, Краснодарский край

г. Апшеронск

Обожженная память Апшеронска

Научный руководитель:

Фофанова Кристина Викторовна

МБОУСОШ №18, Краснодарский край, г. Апшеронск

1. В августе, перед приходом немцев, работники Госбанка, спасая казенное имущество, разобрали по домам столы, стулья, бланки, бумагу, счета и прочее. Активисты записывали, кто и что брал... Договорились, что после освобождения от немцев все вернут назад. Так и случилось. После изгнания немцев все, что брали, принесли назад. Деревянное здание Госбанка, где располагался немецкий госпиталь, было впоследствии чисто убрано, люди вернулись на свои рабочие места.

Население района привлекли к строительству оборонительных укреплений. Каждое утро нестройная колонна женщин отправлялась на работы. Одевались по-рабочему; брали с собой лопаты, кирки. Поздним вечером, после возвращения, вся рабочая амуниция снималась и сушилась до следующего утра. А утром снова на рытье окопов и противотанковых рвов. Всю схему сооружений спокойно фотографировали Немецкие самолеты-разведчики, и впоследствии войска оккупантов окольными путями обходили эти преграды. Покружив в синеве неба, словно в насмешку, немецкие летчики сбрасывали на женщин листовки. Одна из них, пожелтевшая, случайно сохранилась в кипе старых фронтовых газет. Заскорузлые псевдопоэтические стихотворные строки какого-то немецкого переводчика вещали: «Русские мадамочки, не ройте ваши ямочки. Стальные наши таночки, пройдут сквозь ваши ямочки!» На другой стороне листка — обращение к личному составу Красной Армии с предложением сдаться в плен. Далее следовали посулы тем, кто сделает это: надел земли, две коровы, лошадь, полная неприкосновенность. Последняя фраза гласила: «...При сдаче в плен эта листовка является пропуском». Внизу текста изобразили воткнутую в землю русскую трехлинейную винтовку с трехгранным штыком, а рядом красноармейца с поднятыми вверх руками.

2. Кончался жаркий день августа 1942 года. Кроваво-красное солнце садилось за станицей. Глухими громовыми перекатами доносилась канонада, рождая безнадежность в душах, ожидание давило, расплющивало. К исходу душевной августовской ночи землю потряс лавинный взрыв чудовищной силы, разбудив чуткий предутренний сон станицы, осветив на миг еще темные низкие облака над электростанцией у беспокойной шумной Пшехи — это отступающие саперы выполнили свою работу: районная электростанция перестала существовать. В утренней дымке, гремя тяжелыми сапогами, покидали станицу бойцы истребительного батальона. Они шли в горы, в лес. Одновременно с ними ушла в лес партизанить большая группа добровольцев, созданная при райкоме ВКП(б).

3. «Новый порядок» - Neu Ordnung вводился в станице Апшеронской, как на территории, освобожденной войсками великой Германии от коммунистов и евреев. Во всех людных местах для всеобщего обозрения белели листки первого приказа немецкого коменданта.

Приказ имел длинный перечень запретов и против каждого: «За нарушение — расстрел!» Запрещалось иметь радиоприемники, запрещалось читать и передавать советские газеты и листовки. Запрещалось укрытие и всяческое содействие партизанам.

Запрещалось иметь и подлежало сдаче холодное и огнестрельное оружие. Семьям коммунистов и евреев необходимо было пройти регистрацию и получить порядковый регистрационный номер. Запрещалось, запрещалось, запрещалось... расстрел, расстрел, расстрел...

4. Он наступил, этот новый 1943 год. ... Неуловимо чувствовались близкие перемены, назревали события – это понимали все и ждали их каждый по-своему. Большинство – с радостью, иные, сделавшие ставку на новую власть, – со страхом. Пшеха загадочно шумела, облизывая мутной водой берега из синей глины. Волны плескались, что-то шептали, обещая близкие перемены. Река выбрасывала на берег трупы. Пить воду из Пшехи перестали. Станичники открыли давно заброшенные колодцы, расчистили заваленные камнями родники.

5. Первое утро освобожденной станицы вступило в свои права. Пешим порядком, обходя застрявшие машины, усталые и заросшие шли бойцы в родных серых шинелях, прожженных у лесных костров, пробитых осколками. За плечами — тощие зеленые вещмешки, шапки-ушанки с опущенными, у кого лихо поднятыми ушами, но обязательно со звездочками. У многих они были зеленой полевой окраски, но все же — звезды, наши, настоящие советские! Они не на поясе у Алахаря, а на шапках здоровых живых бойцов. Но оружие, какое оружие! У многих автоматы, десятизарядные винтовки Токарева, тяжелый ствол пулемета «Максим» в ребристой металлической рубашке, то и дело мелькает на плечах проходящих; много пушек, а когда-то, при отступлении не было и половины всего этого. По снежной узкой тропинке ведут трех немцев. Это первые пленные фашисты в нашей станице. Необычно! Потом их было много, но эти — первые. Уже не настоящие, не те, что были недавно... Ощущение безопасности рядом с ними вызывает лихорадочное веселье, они безвредны, как мина, из которой вынули взрыватель. Но я все же стараюсь держаться от них подальше; срабатывает уже укоренившаяся привычка, хотя ясно осознаю — бояться нечего. Но что-то отталкивает в сторону от грязно-зеленых тонких шинелей.

Немцев ведет молоденький солдат в громадном дубленом полушубке. Чувствуя на себе любопытные взгляды, он идет с таким видом, будто только тем и занимался всю жизнь, что брал в плен немецких солдат. Шапка-ушанка сдвинута на затылок, держится каким-то чудом на его стриженной под ерша льняной голове. Из карманов полушубка торчат рукоятки гранат. Голые кисти рук со следами обморожения холодит тяжелая десятизарядная винтовка Токарева. Немцы уныло идут по тропинке мимо бывшего здания НКВД, построенного в год основания станицы для [атаманской](#) казачьей управы. Глазницы выбитых окон равнодушно смотрят на немцев. Их ничем не удивишь. Много они видели, эти окна: раненых, травленых газами в первую мировую, казаков — белых, красных, зеленых в Гражданскую, и этих, пришедших в сорок втором, сейчас плетущихся мимо.

6. В один из летних дней 1943-го года вся станица собралась в центре парка. Прощальный салют из винтовок и автоматов рвал траурную мелодию духового оркестра. В парке хоронили партизан. Останки привезли с мест

прежних боев в горах. Бывшие проводники партизанского отряда имени Гастелло провели вьючных лошадей к братским могилам, к пещерам, где базировались партизаны. Вьючный обоз прошел до шоссе, а далее на машинах останки героев прибыли в станицу. В фойе клуба имени Первого мая (нынешний районный Дом культуры) стояли гробы с портретами погибших, украшенные кумачом, хвоей, цветами. Люди прощались с теми, кто отдал свою жизнь за жизнь на земле. Станичная земля — земля дедов, прадедов, бережно приняла в себя с прощальными залпами своих сынов. Братскую могилу украсили живыми цветами, поставили деревянный обелиск с фанерной красной звездой. Обелиск поменьше вырос в липовой аллее у Пшехи. В эту братскую могилу положили 11 партизан, расстрелянных в 42-ом здесь на берегу реки. Спустя много лет прах всех партизан был перенесен к вечному огню на Площади Павших.

Содержание

Введение	6
1. Час мужества пробил на наших часах	9
2. Год 1943-й	15
Заключение	19
Список литературы	20

Введение

Великая Отечественная война потребовала от народа невиданных жертв и страданий. Она была самой тяжёлой из всех войн, какие знала история нашей Родины. В то же время она явилась и героическим периодом этой истории. Великая цель защиты Отечества родила и великую энергию. Поднялись исполнительные силы, полные беспримерного мужества и самоотверженности. Никогда не забудутся и вечно будут жить в памяти немеркнущие подвиги советских людей, совершённые на фронте и в тылу, в борьбе за честь, свободу и независимость нашей Родины.

Второе лето войны с фашистской Германией для нашей страны оказалось очень тяжёлым. Немецкие войска прорвались к Воронежу, Сталинграду и на Северный Кавказ.

Когда забушевало пламя войны, вместе со всем советским народом поднялись на защиту Родины города и станицы, хутора и аулы Краснодарского края. Гнев и ненависть к подлому врагу, неукротимое стремление сделать всё для его разгрома наполнили сердца кубанцев. Как набатный колокол, прозвучал боевой клич:

Вставай, Кубань! Народным гневом
Бурли, бушуй, мятись, вскипай.
На смертный бой с врагом скликай
Своих сынов отважных, смелых.
Вставай, Кубань! Кубань, вставай!
Смерть вражьей своре озверелой!

Битва за Кавказ является одной из ярких страниц в истории Великой Отечественной войны. Как известно, немецко-фашистские войска предприняли наступление на этом направлении летом 1942 года. Враг рвался к неисчерпаемым природным и другим богатствам Кавказа. Он стремился захватить его нефтяные районы, которые к тому времени давали стране решающую долю всей нефти и нефтепродуктов. Он стремился захватить одну из богатейших житниц нашей страны - хлебобродные районы юга Российской Федерации, и прежде всего его жемчужину - Кубань. Враг рассчитывал, что с захватом Кавказа Турция от выжидательной позиции перейдёт к прямым военным действиям против Советского Союза и в то же время для фашистской Германии откроются возможности для расширения агрессии в направлении Ближнего и Среднего Востока. Таким образом, борьба за Кавказ имела для нашей Родины жизненно важное значение, а сама борьба приняла крайне ожесточённый характер.

Немецко-фашистские полчища нависли над югом страны, на Кубани поднялась новая могучая волна патриотического движения.

Битва на Кавказе развернулась в 1942—1943 гг. на обширной территории, разнообразной по географическим и климатическим условиям, в высокогорных районах и прикубанских плавнях, на равнинах Ставрополя и побережье Черного моря, в предгорьях Западного Кавказа и безводной Ногайской степи.

Известие о войне на Кубань пришло 22 июня вместе с указом Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнослужащих и объявлении военного положения в западной части страны, в том числе и в Краснодарском крае.

Мощный патриотический подъем охватил все население Кубани. Многие шли добровольцами в действующую армию, чтобы громить врага малой кровью и на его территории. Такой настрой был тогда у военных, такой – «непобедимой и легендарной» - знал нашу армию народ.

С первых дней войны на Кубани развернулось добровольческое движение. Только за первый месяц в военкоматы было подано 17 тыс. заявлений от людей разных возрастов, многие из которых не подлежали призыву. А за первый год войны, с июля 41 по июль 42 года на фронты ушло более 6 тыс. кубанцев – около 20% населения края. До оккупации фашистами края в 1942 году в армию ушло около 600 тысяч наших земляков.

23 июня было объявлено военное положение на Кубани. Власти получили право привлекать жителей края на возведение укреплений, изымать транспорт и иное имущество для нужд обороны, определять порядок торговли, график работы учреждений и предприятий запрещать, свободное перемещение граждан по территории края, выселять социально опасных лиц.

Вся тяжесть военного времени легла на плечи женщин, стариков, подростков. В городах и станицах Кубани организовано прошло производственное обучение молодежи и женщин. Именно они заменили на заводах, фабриках, в поле и на фермах отцов, мужей, братьев ушедших на фронт.

Когда в октябре 1941 г. над Кубанью нависла угроза оккупации, и враг в первый раз оказался у Ростова – «ворот Кавказа», в крае начали формироваться кавалерийские дивизии. Они создавались из числа добровольцев: русских и адыгов. Каждый район формировал казачьи сотни, которые были обеспечены конским составом и снаряжением за счет колхозов. На Кубани за годы войны было сформировано три добровольческих соединения: пятидесятая отдельная кавалерийская дивизия, семнадцатый Кубанский казачий кавалерийский корпус, Краснодарская пластунская дивизия.

Фашистами был разработан план «Эдельвейс» по захвату Кавказа. Гитлеровские армии, вышедшие в 20-х числах июля к Нижнему Дону, получили приказ окружить и уничтожить в районах южнее и юго-восточнее Ростова войска Красной Армии, отступившие за Дон, и овладеть Северным Кавказом. За тем немецко-фашистское командование предполагало одной группой войск обойти Главный Кавказский хребет с запада, захватить Новороссийск и Туапсе, а – обойдя хребет с востока, овладеть Грозным и Баку.

Красная Армия в 1,5 раза уступала врагу по личному составу, в 8-10 раз – по танкам и самолетам, в 4,5 раза – по орудиям и минометам. Сдержат натиск врага в сложившихся условиях было невозможно. Сказывалось и превосходство врага, и ошибки командования, которые приходилось исправлять ценой жизни...

Первое серьезное сопротивление фашисты встретили у станиц Куцевской, Канеловской и Шкуринской. Бои за Краснодар стали одной из трагических страниц войны. 9-ого августа 1942г. Краснодар пал. [31 августа](#) на левом фланге 47-й армии гитлеровцы прорвались к Черноморскому побережью, захватили Анапу и на Таманском полуострове отрезали от армии части морской пехоты. Кораблям Азовской военной флотилии пришлось прорываться через Керченский пролив в Черное море. К концу лета были оккупированы другие города и станицы края. Практически весь край, за исключением причерноморских городов Сочи, Туапсе, Геленджика и прилегающих к ним районов, оказался под властью захватчиков.

В официальном директивном обращении гитлеровского командования к солдатам Восточного фронта говорилось: «Уничтожить в себе жалость и сострадание – убивай всякого русского. Не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик – убивай, этим ты... обеспечишь будущее твоей семье и прославишься на века».

На Кубани было много военнопленных. Их использовали для строительства мостов через реку Кубань и других военно-стратегических объектов. Находились военнопленные в тяжелейших условиях, зачастую спали на земле под открытым небом. Их сгоняли в кучи и пускали на убранные огороды пастись, кроме как пастись это ни как не назовешь, они собирали корешки и этим питались. Многих пленных загружали в вагоны и увозили, возможно, в Германию, если среди них были коммунисты, комсомольцы, то их расстреливали.

Очень сурово наказывались те, кто осмеливался покушаться на жизнь немецкого солдата. За одного убитого партизанами немца расстреливалось до сорока заложников. Но это не могло остановить патриотический подъем населения, даже подростки стремились навредить фашистам. В силу своих возможностей они портили технику, воровали со складов медикаменты, срывали немецкие листовки. Выпускалась в крае газета «Кубань». Она выходила под лозунгом «Трудящиеся всех стран, объединяйтесь в борьбе против [большевизма](#)». Содержание публикации строго контролировалось немцами. Газета сообщала, что «к рождественским праздникам командование германской армии подарило работающему населению г. Краснодара 1200 кг соли», что «эшелоны добровольцев с Кубани отправляются на работу в Германию». Это было неправдой, потому что отправлялись кубанцы на работу в Германию отнюдь не добровольно. Бои на Кубани кипели еще до 9-ого октября 1943года. Враг несколько раз пытался разбомбить то, что краснодарцы успели восстановить.

В груды развалин были превращены станицы и города края. Огромные разрушения, отступающие гитлеровцы, произвели в Краснодаре, Майкопе и Ейске и других городах. Ущерб, нанесенный оккупантами народу и хозяйству края, составляет 15млрд. рублей.

Во время ВОВ проявились лучшие качества людей. Одни из них защищали Родину с оружием в руках, другие залечивали физические и моральные раны ее бойцов.

Час мужества пробил на наших часах

Это слово в миг раскололо время на две части - довоенное и военное. Яркий солнечный день 22 июня -1941 года — воскресенье Из репродуктора несколько секунд раздавалось шипение, потом голос Молотова объявил о вероломном нападении войск фашистской Германии на границах от Черного до Баренцева морей. Было ясно одно: произошло ужасное, непоправимое.

Каждый минувший день ничего хорошего не приносил. Все тревожней и напряженней становились лица взрослых, когда они слушали сводки Совинформ-бюро. В станице появились эвакуированные, беженцы из Белоруссии и Украины. Возглас в вечерних сумерках у калитки раздавался все чаще и чаще. Люди просились на ночлег усталые, изможденные, сами не знающие, куда бредут, лишь бы подальше от немца. Затаив дыхание, слушали станичники рассказы о зверствах фашистов. Не укладывалось в голове, не верилось, что такое может случиться и здесь. Лето и зима сорок первого прошли в постоянной тревоге и ожидании вестей с фронта. В центре станицы, у клуба, ко времени передач Совинформбюро собиралась толпа. Стояли без разговоров, ждали новостей. Голос Левитана из большого квадратного, черной фанеры рупора бросал в толпу тревожные вести с фронтов. Люди молча расходились. Шли, стараясь не смотреть друг на друга. Появились первые инвалиды войны. Все чаще и чаще в толпе мелькали костыль или пустой рукав гимнастерки, заколотый булавкой. Война приближалась. По ночам, надрывая душу, гудели немецкие самолеты, в черном небе шарили лучи прожекторов. Приближался август сорок второго года.

В станице Апшеронской эвакуировались предприятия, в горы гнали отары овец, стада коров...Апшеронское отделение Госбанка работало до последних дней. В горы по узкоколейной железной дороге вывозили деньги и ценные документы. Эти грузы сопровождали банковские кассиры. В дороге вагоны обстреливали и бомбили немецкие самолеты. Из брезентовых мешков, распоротых пулеметными очередями, встречным ветром выдувало денежные купюры. Сторублевые бумажки, ржаво - красные тридцатки с тихим шелестом оседали на деревьях и придорожных самшитовых зарослях. Там, на денежных мешках, прошенная пулеметной очередью, погибла одна из сопровождающих, молодая красивая сотрудница Госбанка. Ее похоронили в лесу, недалеко от железнодорожных путей.

В августе, перед приходом немцев, работники Госбанка, спасая казенное имущество, разобрали по домам столы, стулья, бланки, бумагу, счета и прочее. Активисты записывали, кто и что брал... Договорились, что после освобождения от немцев все вернут назад. Так и случилось. После изгнания немцев все, что брали, принесли назад. Деревянное здание Госбанка, где располагался немецкий госпиталь, было впоследствии чисто убрано, люди вернулись на свои рабочие места.

Население района привлекли к строительству оборонительных укреплений. Каждое утро нестройная колонна женщин отправлялась на работы. Одевались по-рабочему; брали с собой лопаты, кирки. Поздним вечером, после возвращения, вся рабочая амуниция снималась и сушилась до

следующего утра. А утром снова на рытье окопов и противотанковых рвов. Всю схему сооружений спокойно фотографировали Немецкие самолеты-разведчики, и впоследствии войска оккупантов окольными путями обходили эти преграды. Покружив в синеве неба, словно в насмешку, немецкие летчики сбрасывали на женщин листовки. Одна из них, пожелтевшая, случайно сохранилась в кипе старых фронтовых газет. Заскорузлые псевдопоэтические стихотворные строки какого-то немецкого переводчика вещали: «Русские мадамочки, не роите ваши ямочки. Стальные наши таночки, пройдут сквозь ваши ямочки!» На другой стороне листка — обращение к личному составу Красной Армии с предложением сдаться в плен. Далее следовали посулы тем, кто сделает это: надел земли, две коровы, лошадь, полная неприкосновенность. Последняя фраза гласила: «...При сдаче в плен эта листовка является пропуском». Внизу текста изобразили воткнутую в землю русскую трехлинейную винтовку с трехгранным штыком, а рядом красноармейца с поднятыми вверх руками.

Читая листовки, женщины плевались в голубизну неба, где кружили двухфюзеляжные немецкие самолеты-разведчики, прозванные фронтовиками рамами. Наиболее бойкие бабенки крутили ввысь летчикам ядреные кукиши, потом задирали подолы платьев и показывали немцам широкие зады, туго обтянутые синими ситцевыми рейтузами. После рытья окопов всех заставили закапывать в землю оборудование [нефтепромыслов](#).

Через станицу Апшеронскую пешим порядком шли отступающие части Красной Армии. Грузно, вразброд шагали усталые запыленные бойцы. На их лицах окровавленные бинты. Пропитанные потом гимнастерки, подпоясанные зелеными брезентовыми ремнями, темнели подпалинами прожженных мест. Большинство в ботинках, до колен плотно накручены зеленые обмотки, винтовки не у всех, фляга с водой одна на двоих — троих, многие фляги из обыкновенного бутылочного стекла в зеленых матерчатых чехлах — они легко разбивались на привалах о придорожные камни. Уставших бойцов поили молоком, водой, угощали яблоками, помидорами. Молча, отрешенно смотрели они. Чувство вины мелькало в глазах, воспаленных, красных от пыли и [бессонницы](#).

С отступающими войсками, за ними и впереди, двигались через станицу стада овец, коров, табуны лошадей. Они шли в облаках пыли, исходя ревом, мучимые жаждой. На животных толстый слой пыли, коровы брели, тяжело неся раздувшееся вымя.

Кончался жаркий день августа 1942 года. Кроваво-красное солнце садилось за станицей. Глухими громовыми перекатами доносилась канонада, рождая безнадежность в душах, ожидание давило, расплющивало. К исходу душевной августовской ночи землю потряс лавинный взрыв чудовищной силы, разбудив чуткий предутренний сон станицы, осветив на миг еще темные низкие облака над электростанцией у беспокойной шумной Пшехи — это отступающие саперы выполнили свою работу: районная электростанция перестала существовать. В утренней дымке, гремя тяжелыми сапогами, покидали станицу бойцы истребительного батальона. Они шли в горы, в лес.

Одновременно с ними ушла в лес партизанить большая группа добровольцев, созданная при райкоме ВКП(б).

Многие жители не покидали домов, наивно полагая отсидеться от беды за жиденьким штакетным забором и плетеной турлучной стеной, вымазанной кизяками с глиной. Немцы были близко. Слышались глухие частые взрывы. По станице бродили отставшие от колхозных отар овцы, истошно мычали коровы, ржали, всхрапывая, брошенные армейские кони с выжженными номерами на исхудалых, давно нечищенных крупах.

В клубах пыли скрылись последние зеленые грузовики с армейскими номерами на кузовах, переполненные запыленными и потому одинаковыми на вид красноармейцами. Одинокó прогремела на шоссе́йном булыжнике отставшая от обоза телега с замученными исхлестанными лошадьми. Только за станицей, близь поселка Калинина, в зарослях кукурузы, готовясь к бою, окапывались отдельные подразделения из разрозненных армейских частей. Надсадный гул танковых моторов заставил вибрировать оконные стекла. Они дрожали мелко, напоминая зуммер. Танки с черными крестами, лязгая гусеницами, двигались по центральной улице станицы. Немцы двигались грязно-зеленой массой, не обращая на кого внимания, взгляды их скользили мимо, не задерживаясь. Шли танки, бронетранспортеры, громадные дизельные грузовики, набитые запыленными очкастыми солдатами. Чеканя шаг, двигались пешие колонны. Земля содрогалась, тяжелые кованные сапоги мерно опускались на смоченный легким дождем асфальт центральной улицы имени Сталина, в неумолимой поступи проходящей колонны было что-то от удава, гипнотизирующего своей магической силой. А немцы шли и шли, молодые, рослые, крепкие, многие в очках, в хорошо продуманном до мелочей обмундировании, с заплечными ранцами, отделанными со стороны спины нежной телячьей кожей, у многих автоматы, на боку удобные, обшитые серым сукном плоские [алюминиевые](#) фляжки, на правом бедре складные саперные лопатки, через плечо на ремне круглые гофрированные металлические цилиндры. Они шли гордо и надменно. Ощущение злой силы исходило от длинных колонн пехоты, танков, бесконечных обозов с громадными битюгами-тяжеловесами с куче подрезанными хвостами.

Новый порядок

«Новый порядок» - Neu Ordnung вводился в станице Апшеронской, как на территории, освобожденной войсками великой Германии от коммунистов и евреев. Во всех людных местах для всеобщего обозрения белели листки первого приказа немецкого коменданта. Приказ имел длинный перечень запретов и против каждого: «За нарушение — расстрел!» Запрещалось иметь радиоприемники, запрещалось читать и передавать советские газеты и листовки. Запрещалось укрытие и всяческое содействие партизанам. Запрещалось иметь и подлежало сдаче холодное и огнестрельное оружие. Семьям коммунистов и евреев необходимо было пройти регистрацию и получить порядковый регистрационный номер. Запрещалось, запрещалось, запрещалось... расстрел, расстрел, расстрел...

Вводился комендантский час. Задержанные после него расстреливались. Потом следовало много приказов и объявлений: о введении продуктового налога, о сдаче местным населением немецкому командованию всего незаконно взятого из магазинов, ларьков, складов перед приходом немецких войск — тюков ткани, костюмов, муки, сахара, крупы и прочего. Все это объявлялось достоянием Великой Германии и подлежало возврату. Семьи коммунистов и евреи решили пройти регистрацию, они вносились в специальные списки, получили свои порядковые номера и вскоре согласно им были расстреляны. Дальнейшие аресты шли по доносам.

В станичном парке памятник Сталину немцы взорвали гранатой. Её привязали у вождя между ног, повыше, на расстоянии из ручного пулемета прошили гранату разрывными пулями. После взрыва на постаменте остались лишь ноги в высоких гипсовых сапогах, на земле валялись белые обломки статуи. Голова лежала поодаль, отдельно... Немцы взяли её с собой. Над входом в комендатуру, расположившейся в двухэтажном здании [средней школы](#) № 16 (ныне лесной техникум), под веселый гогот рослых здоровенных немецких солдат юркий прыщавый фельдфебель, торжественно намылив веревку, повесил гипсовую голову Сталина вместе с частью бюста. Веселье завершилось групповым фотографированием. Затвор фотоаппарата щелкал несколько раз, каждый из немцев непременно хотел запечатлеться с автоматом у виска висящей гипсовой головы, вскрикивая при этом: «Сталин капут!» Голову Сталина немцы - вскоре торжественно вручили станичному старосте по фамилии Калашников. Постоянная его резиденция весь период оккупации была в здании на нынешней улице имени Ленина, № 36 (сейчас это детско-юношеская спортивная школа), как раз напротив районного почтового отделения. Парадное крыльцо тогда (как и сейчас) выходило на центральную улицу и было украшено над входной дверью ручной кузнечной работой из металлических прутьев (это все сохранилось и сейчас).

На этих прутьях художественнойковки на обозрение жителей оккупированной станицы довольно долго висела гипсовая голова Сталина, раскачиваясь на тщательно намыленной пеньковой веревке.

В нынешнем здании районного Дома культуры (ранее клуб имени 1 Мая) был немецкий госпиталь. Раненые и контуженные немецкие солдаты перед отправкой на фронт считали своим долгом подойти к висящей голове Сталина, выкурить сигарету и затушить её, раздавив на носу или гипсовом лбу вождя... Но ритуал этот однажды закончился короткой автоматной очередью одного нервного фрица. На крыльце остались только осколки раздробленной гипсовой головы и висящая намыленная веревка.

«... около двухсот трупов жителей станицы Апшеронской было обнаружено в оврагах возле Калинина, Авторемзавода (ныне – ОЭЗ) и аэродрома. Их расстреляли только за то, что они были евреями по национальности».

«...На территории центральной электростанции, на глазах у матери, в порядке развлечения, расстреляна 4-летняя девочка Лена Чайкина. Были

повешены коммунисты Матвиенко и Конотопченко. Замучены в застенках гестапо депутаты Апшеронского Совета Гадитская, Даниленко и другие».

(Из архивов Апшеронского районного музея)

Апшеронская - прифронтовой немецкий тыл. Все подходящие крупные здания заняты под госпитали: станичный клуб, Госбанк. Теперь же к его высоким деревянным порожкам подъезжают немецкие санитарные машины. Носилки с перебинтованными немецкими ногами, руками, животами вносят в бывшее кассовое отделение и [бухгалтерию](#). них на чужом языке ругаются, кричат, стонут немецкие солдаты. Иные уже не стонут, затихли навсегда Их выносят в тот же день, почти сразу, освобождал места другим. Хоронят здесь же (далеко не везут) | станичном парке против Госбанка.

До войны парк — самое оживленное место в станице. Здесь гуляли парами, компаниями, под ногаж осенью шуршали желтые опавшие листья, летом и весной шаги скрадывал зеленый травяной ковер. В парке целовались, влюблялись. Теперь это — немецкое кладбище. Легкие аккуратные кресты с табличкой по-немецки стояли на могилах, вырытых строго по ранжиру, с обязательной [каскай](#), нахлобученной сверху. Кладбище напоминало ротный строй повзводно перед инспекторским смотром по команде «смирно!». Вместо солдат — могилы. Офицеры даже здесь, в земле, лежали отдельно от низших чинов, неравенство не перечеркивалось смертью, и кресты у них отличались: больше замысловато-витиеватых углов и без касок.

Леденящий душу ровный строй немецких могил не вписывался в облик казачьей станицы. Земля, со вдавленными в нее чужеземными гробами, ощутимо стонала, стараясь вытолкнуть из своего чрева мертвых пришельцев. Высокие липы отчужденно смотрели на парад нордических покойников. Всякий проходящий мимо норовил прошмыгнуть поскорей.

Хоронили немцы часто, почти каждый день. Могилы рылись впрок и стояли в ожидании своих хозяев, осыпаясь прямоугольными глинистыми краями со следами срубленных корневищ от разросшихся деревьев.

Немецкое кладбище до сих пор находится там же, где и было в 1942 — 43 годах, в нынешнем сквере Победы. Теперь почти вплотную к нему придвинулись магазины, продающие современную [бытовую технику](#). Была, однако, попытка вырыть немцев, чтобы не портили они своим кладбищем центр станицы: летом 1943 года местные власти хотели вскрывать могилы, но, едва рабочие приступили к вскрытию, к парку подъехала армейская полуторка, из которой вышел капитан медицинской службы. На ходу вынимая из кобуры пистолет, он рявкнул: «Кто разрешил? Эпидемии еще не хватало! Кто будет обрабатывать мертвяков хлоркой и негашеной известью? Закрыть могилы!»

Капитан стоял с пистолетом в руке, и вложил его в кобуру, когда немецкие могилы забросали выброшенной землей. Потом он уехал. И более никаких попыток по вскрытию немецких могил не было. Просто убрали кресты и сравняли с землей могильные холмы.

Где-то в конце 90-х годов побывал в Апшеронске из города Кассель представитель Народного Союза Германии по уходу за военными могилами,

подполковник в отставке Ульрих Бёше. Вместе с ветераном войны , Ульриху показывали места захоронений немецких солдат. Колесив по городу на «Фольксвагене» Ульрих побывал на немецкой поляне, где были массовые захоронения пленных немецких солдат. Он аккуратно записывал все, что ему говорили, а места захоронений наносил, на подробную карту бывшей станицы Апшеронской Большая часть времени была уделена центру города где, по сведениям похоронных команд Вермахта, в сквере Победы г. Апшеронска захоронено 105 немецких солдат и офицеров 97-й Егерской дивизии, воевавшей в горах и на территории Апшеронского района. Кстати, эти же сведения были и у руководителя поисковой молодежной организации «Арсенал» из г. Хадыженска, который каким-то образом, находясь в Германии, добыл их из немецких архивов.

Но вернемся к тому далекому военному времен: глубокой осени 1942 года...

По станице поползли слухи — немцев бьют под Сталинградом! Казалось, никто и ничто не сможет *их* остановить, но слухи подтверждались. Среди фрицев прежнего веселья не наблюдалось, разговаривая между собой, они иногда употребляли знакомое слово «Сталинград». На рукавах немецких офицеров зачернели траурные повязки.

Год 1943 - й

Он наступил, этот новый 1943 год. ... Неуловимо чувствовались близкие перемены, назревали события – это понимали все и ждали их каждый по-своему. Большинство – с радостью, иные, сделавшие ставку на новую власть, – со страхом. Пшеха загадочно шумела, облизывая мутной водой берега из синей глины. Волны плескались, что-то шептали, обещая близкие перемены. Река выбрасывала на берег трупы. Пить воду из Пшехи перестали. Станичники открыли давно заброшенные колодцы, расчистили заваленные камнями родники.

В конце января через станицу потянулись отступающие колонны немцев, танки, машины. По стылой зимней грязи бесконечной массой тянулись обозы, временами съезжая к обочине, уступая место щегольским штабным машинам. Земля ждала снега, её, черную, холодную, месили лошадиные копыта, давили громадные колеса обозных зеленых фур с брезентовым верхом. Крупные кони с коротко остриженными хвостами не могли тащить подводы, доверху наполненные военной амуницией вперемешку с награбленным. Они устало поводили боками, безропотно снося удары, падали. Немецкие обозники высвобождали сбрую, ствол винтовки втыкался в лошадиное ухо и сухой резкий выстрел освобождал животное от непосильного труда. Высекая искры из придорожного булыжника коваными копытами, лошадь дергалась несколько раз, затихая и вытягиваясь на холодной земле. В остановившихся крупных глазах отражались серое небо и оторванные доски сломанного забора.

Лишь наши армейские лошадки, где-то захваченные немцами, невзрачные, тощие, невозмутимо тянули громадные телеги, поводя устало боками. На их исхлестанных плоских крупах — клейма воинских частей Красной Армии. У некоторых давние рубцы затянувшихся осколочных ранений. Они тоже были пленными, и в лошадиных глазах застыла боль, почти осознанно животные смотрели вокруг, ожидая помощи. Уныло тянется бесконечный обоз. Гитлеровцы, нахохлившись, сидят и лежат на пучках соломы, многие блестят стеклами очков, иногда протирая их беспальными перчатками. Холод тесно прижимает немцев спиной к спине, заставляет напяливать на себя самые неожиданные вещи; женские платки, старые изодранные зипуны, дерюги, все пошло в дело. На замыкающем фургоне с изодранным брезентом — трое. Плотный здоровый немец хлещет лошадей длинным кнутовищем, сидя на куче амуниции. Рядом с ним тощий, с нервным лицом, его худую шею с поднятым воротником шинели перечеркивает черный ремень автомата, брошенного на колени, руки глубоко в карманах шинели. Он злобно, с прищуром смотрит на русских баб, ребятишек, приплюснутых к тротуарному штакету и не скрывающих любопытной радости.

Черная, израненная равнина Кубанских предгорий прикрылась белой казачьей буркой из пушистого снега. Закрылись рубцы от гусениц тяжелых немецких танков, припорошились глубокие машинные колеи. Земля, рожавшая хлеб, дающая жизнь, ждала своих хозяев, прихорошилась к их встрече. Деревья с белыми кронами, столбики заборов, увенчанные сахарно-

белыми папахами, крыши домов под накидкой первого снега — все наполнилось ожиданием, превратилось в слух. Тишина звенела натянутой струной. Первозданная чистота искрилась в лунном свете, сиял тонкий лед у берегов Пшехи.

Утро 27 января 1943 года занялось медленно. Еще сквозь белесо-темную дымку неба мерцала запоздалая звезда, медленно угасая, когда послышался вначале неясный, потом более четкий, натянуто-басовитый шум мотора. Станица, ждавшая, притаившаяся за тонкими ситцевыми занавесками окон, ожила, захлопала дверьми, заскрипела ржавыми петлями калиток, высыпала на заснеженные улицы.

Первое утро освобожденной станицы вступило в свои права. Пешим порядком, обходя застрявшие машины, усталые и заросшие шли бойцы в родных серых шинелях, прожженных у лесных костров, пробитых осколками. За плечами — тощие зеленые вещмешки, шапки-ушанки с опущенными, у кого лихо поднятыми ушами, но обязательно со звездочками. У многих они были зеленой полевой окраски, но все же — звезды, наши, настоящие советские! Они не на поясе у Алахаря, а на шапках здоровых живых бойцов. Но оружие, какое оружие! У многих автоматы, десятизарядные винтовки Токарева, тяжелый ствол пулемета «Максим» в ребристой металлической рубашке, то и дело мелькает на плечах проходящих; много пушек, а когда-то, при отступлении не было и половины всего этого. По снежной узкой тропинке ведут трех немцев. Это первые пленные фашисты в нашей станице. Необычно! Потом их было много, но эти — первые. Уже не настоящие, не те, что были недавно... Ощущение безопасности рядом с ними вызывает лихорадочное веселье, они безвредны, как мина, из которой вынули взрыватель. Но я все же стараюсь держаться от них подальше; срабатывает уже укоренившаяся привычка, хотя ясно осознаю — бояться нечего. Но что-то отталкивает в сторону от грязно-зеленых тонких шинелей.

Немцев ведет молоденький солдат в громадном дубленом полушубке. Чувствуя на себе любопытные взгляды, он идет с таким видом, будто только тем и занимался всю жизнь, что брал в плен немецких солдат. Шапка-ушанка сдвинута на затылок, держится каким-то чудом на его стриженной под ерша льняной голове. Из карманов полушубка торчат рукоятки гранат. Голые кисти рук со следами обморожения холодит тяжелая десятизарядная винтовка Токарева. Немцы уныло идут по тропинке мимо бывшего здания НКВД, построенного в год основания станицы для атаманской казачьей управы. Глазницы выбитых окон равнодушно смотрят на немцев. Их ничем не удивишь. Много они видели, эти окна: раненых, травленых газами в первую мировую, казаков — белых, красных, зеленых в Гражданскую, и этих, пришедших в сорок втором, сейчас плетущихся мимо.

Немцев трясет от страха и холода. Они жмутся друг к другу, поверх пилоток громоздятся бабьи платки, сапоги с широкими раструбами голенищ, хватающие снег, торчат из громадных плетеных соломенных ботс, на кончиках побелевших носов блестят прозрачные светлые капли. Былого величия нет, они жалки и смешны. Желаящих увидеть первых пленных

немцев собралось много, разглядывают молча, не отрываясь. Фрицы отворачиваются, они норовят смотреть в сторону, но везде натываются на острые, колючие взгляды. Красноармеец в полушубке ежеминутно сбивает шапку на затылок, покрикивает на немцев ломаным баском, направляя их примкнутым блестящим штыком десятизарядки через настежь открытые ворота во внутренний двор за зданием. На деревянное крыльцо выходит степенный пожилой боец со старшинскими молотками на погонах.

Новая власть ла приказ. Он белел на здании бывшей милиции. В приказе говорилось о сдаче местным населением в трехдневный срок имеющегося на руках боевого оружия — огнестрельного и холодного. Кое-кто уже нес на сдачу законной власти, от греха подальше и для спокойствия, кто карабин, кто винтовку, казачьи пашки в ножнах и без них. Добра этого война разбросала в станице и окрест, ой, как много!

В один из летних дней 1943-го года вся станица собралась в центре парка. Прощальный салют из винтовок и автоматов рвал траурную мелодию духового оркестра. В парке хоронили партизан. Останки привезли с мест прежних боев в горах. Бывшие проводники партизанского отряда имени Гастелло провели вьючных лошадей к братским могилам, к пещерам, где базировались партизаны. Вьючный обоз прошел до шоссе дорог, а далее на машинах останки героев прибыли в станицу. В фойе клуба имени Первого мая (нынешний районный Дом культуры) стояли гробы с портретами погибших, украшенные кумачом, хвоей, цветами. Люди прощались с теми, кто отдал свою жизнь за жизнь на земле. Станичная земля — земля дедов, прадедов, бережно приняла в себя с прощальными залпами своих сынов. Братскую могилу украсили живыми цветами, поставили деревянный обелиск с фанерной красной звездой. Обелиск поменьше вырос в липовой аллее у Пшехи. В эту братскую могилу положили 11 партизан, расстрелянных в 42-ом здесь на берегу реки. Спустя много лет прах всех партизан был перенесен к вечному огню на Площади Павших.

Весна последнего военного года проступала талыми лужами в рыхлом, с голубизной, рассыпчатом снегу. Рано прилетели грачи, торопя тепло и долгожданную Победу. Апрель высушил землю теплым ветерком, раскинул зеленый травяной ковер. Все ждали конца войны, наши были уже в Берлине. Скоро, скоро, еще немного...

В центре парка восстановили статую Сталина. Он стоял как и до войны, на том же месте, и так же шелестели листвой над ним старые липы. Май 45-го года красил свежей зеленью с белой накипью цветов сады и леса предгорий, зеленил покрывалом трав кубанскую степь. Победу ждали, но пришла она и застала врасплох.

Утро девятого мая разбудило станицу ружейно-пулеметной пальбой, громом духовых оркестров. В весеннем теплом майском воздухе порхало еще необычное, но такое радостное, невесомое и пьянящее слово ПОБЕДА!

Победа! Все — на улице, в домах — никого! Нужно быть вместе, идти друг к другу, говорить, говорить... Такую радость в одиночку не вынести,

только к людям, только в народ! Всё! Конец четырехлетнему наваждению. Это была последняя война. Такое не должно повториться никогда!

Майский вечер расцвел букетом разноцветных салютов. Ракеты с шипением рвали темную ткань неба, вспарывая высь, заливая все праздничным светом. Это был 1945 год, девятый день месяца мая.

Заключение

То, что называлось войной, обрушилось, прежде всего, необходимостью выбора. И выбор между жизнью и смертью для тысяч кубанцев был очень тяжелым. Какие события могут надолго остаться в памяти человека? Да любые! Поскольку память человека избирательна, и почему в ней задержалось то или иное, объяснить трудно.

Более 60-ти лет назад была война, но память о ней жива до сих пор. Подобные события не должны забываться. Мы молодое поколение будущее нашей страны всегда должны помнить о воинах, которые не жалея себя освободили нашу землю от фашистских оккупантов.

Неувядаемую боевую славу завоевал отряд г. Краснодара, которым командовал Петр Карпович Игнатов, который героически погиб во время проведения военной операции. Вместе с ним сражалась вся его семья: жена Елена Ивановна, медсестра отряда, и двое его сыновей, Евгений и Гений. Братьям Игнатовым присвоено звание Героя Советского Союза.

Разве не может ни тронуть сердце человека трагическая судьба Епистинии Федоровны Степановой из города Тимашевска (х. 1-е Мая), положившая на [алтарь](#) Отечества самое дорогое, что у нее было, - жизнь девятерых своих сыновей: Александра – старшего, Николая, Василия, Филиппа, Федора, Ивана, Ильи, Павла, Героя Советского Союза Степанова Александра – младшего.

Отважно сражались с врагом девять братьев Грузинских из Новороссийска. Пять из них пали смертью храбрых. Шестеро сыновей не вернулись с войны у из Сочи. Такая страшная участь выпала на долю Н. М Собакарь из Кореновского района, таманской колхозницы, М. Мейзужок из Теучежского р-на [Адыгеи](#). Не вернулись к родному очагу шесть сыновей из семьи Э. и М. Аракелян из с. Барановка Лазаревского р-на. А разве меньше горя той матери, которая потеряла единственного сына или дочь?

Вечная слава и высокая память всем не вернувшимся с той такой далекой и такой близкой для каждого россиянина войны, всем ветеранам, ушедшим уже в послевоенные годы! Слава и низкий поклон тем, кто живет среди нас! Ведь это поколение победителей. Давайте в суете будней не забывать о них и об уроках самой кровопролитной войны прошлого века.

Список литературы

1. Орлов. детство (Это было в станице Апшеронской). -Юг», Майкоп 2010.
2. Вестник: шла война народная.// Литературная Кубань.-1997. - №4. –с. 6.
3. Одна ночь: поклонимся великим тем годам // Литературная Кубань. -1998.- №3.-с.6.
4. Даже верится с трудом: поклонимся Великим тем годам...//Литературная Кубань. – 2000. -№8. – с.6-7.
5. Гречко за Кавказ. Воениздат, 1973 г.
6. Кубань в Великой Отечественной – Краснодар: ГУП «Печатный двор Кубани» 2000.
7. КолесниковФ. И. Во славу Кубани: Исторический путь, героические боевые и трудовые подвиги, патриотические дела Краснодарской краевой оборонной организации.- Краснодар: Мир Кубани,2004.